

УДК 81'1.001

**«НАСТОЯЩЕЕ – ЭТО ПРОШЛОЕ, СВЕРНУТОЕ ПО БУДУЩЕМУ»
(Рец. на книгу: Проблемы лингвистической прогностики : сб. науч. тр. /
под ред. А. А. Кретьова. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. –
Вып. 5. – 183 с.)**

А. Т. Хроленко

Курский государственный университет

Поступила в редакцию 20 мая 2013 г.

Лежащий перед нами пятый выпуск сборника научных трудов «Проблемы лингвистической прогностики» (Воронеж, 2012) – красноречивое свидетельство того, что научное направление, ориентированное на системное выявление ненаблюдаемых свойств и характеристик объектов в прошлом, настоящем и будущем объекта, в лингвистических исследованиях получило фундаментальную поддержку.

Статьи восемнадцати авторов из Воронежа, Москвы, Иркутска, Минска, Волгограда, Улан-Удэ и Екатеринбурга, участников Международной научной конференции «Проблемы лингвистической прогностики», организованной и проведенной факультетом романо-германской филологии и научно-методическим центром по компьютерной лингвистике Воронежского государственного университета в октябре 2012 г., по сути, представляют собой своеобразную коллективную монографию о сравнительно новом и весьма перспективном направлении, именуемом лингвистической прогностикой. В этом коллективном труде практически нет дискуссии. Сверхзадача каждого выступления – застолбить территорию научного поиска и сформулировать задачи исследования, озаботиться его методологическим и методическим оснащением, наметить перспективы дальнейшей работы.

Каждый автор предлагает свой кирпичик знания в конструкцию той новой научной дисциплины, которую двадцать лет назад статьей «Научный прогноз в лексической семантике» начал формировать будущий доктор филологии Алексей Александрович Кретьов. У истории лингвистической прогностики есть и своя предыстория. В научных трудах Ю. В. Рождественского, посвященных культурно-речевому устройству современного российского постиндустриального информационного общества, В. В. Рылов из Москвы обнаружил элементы прогностики.

Остановимся на некоторых аспектах лингвистической прогностики, получивших свое освещение в статьях сборника.

Размышления о том, что основой гностики является учет линии развития языка, – аргумент в пользу того, что прогностика – обязательный компонент любого филологического исследования, поскольку, по мнению А. А. Кретьова, полный набор аспектов для любой науки должен включать историю, теорию и прогностику объекта. Этот теоретический тезис конкретизируется, скажем, на примере развития лексики в судебном дискурсе. Линии развития языковых явлений объектом прогностики становятся в случае удачной периодизации, подсказанной самим анализируемым материалом, что убедительно показано в статье Н. П. Глинской (20)*.

Лингвистическая прогностика требует привлечения огромного массива языкового материала. Впечатляют цифры, сообщаемые авторами. Чтобы обеспечить объективность и точность описания, полноту охвата всего лексического массива, автору (Н. П. Глинская) пришлось учесть все тексты судебных решений высшей судебной инстанции США – Верховного суда, а это 25 500 текстов, около 200 000 словоформ, более 150 млн словоупотреблений. 22 500 примеров было извлечено из текстов французской нарративной прозы первой половины XVII – первой половины XXI вв., чтобы выявить динамику и прогностику лексико-семантической группы зрительного восприятия (Ю. А. Силина).

Самое интересное то, что в колоссальном объеме текстового материала исследователи обращают внимание на языковые факты, на первый взгляд, периферийные, частные. Это может быть аббревиация (13), префиксы (14), высказывания от первого лица (43) и др.

* Здесь и далее в скобках указывается соответствующая страница сборника.

В данном случае у прогностики, которая исходит из языковых фактов, казалось бы, не самого большого калибра, актуализируется способность формулировать весьма сильные выводы. Так, из оппозиции двух глаголов зрительного восприятия *смотреть* и *видеть* последовало заключение о целесообразности понятия и термина «индекса принятия мира» (устаревшее существительное *приятие* здесь кажется более уместным). Авторы термина исходят из того, что «глаголы *видения* обозначают действие, направленное к субъекту восприятия извне, а глаголы *смотрения* – действие, направленное от субъекта вовне» (127). В первом случае человек «доверяет» миру: впускает в себя визуальный образ объектов, во втором случае «не доверяет» окружающему миру: не вбирает в себя, направляет свою активность на мир. В связи с этим вспоминается мысль из дневника М. М. Пришвина: увидеть – значит изменить. Чем не формула «приятия мира»?

В арсенале средств лингвистической прогностики свое место занимает эксперимент. В этом отношении интересна статья М. В. Игнатченко, в которой автор с помощью лингвистического эксперимента выявляет системно возможные слова с корнем БИ-. Выяснилось, что слов с таким корнем может быть 3268. 531 слово в словарях присутствует, а 2937 слов оказалось вне словарей. Экспериментально доказано, что 2578 слов из них могут считаться возможными и только 359 «слов» таковыми быть не могут. Так с помощью экспериментов выявляются внутрисистемные запреты в форме отрицательного языкового материала. В заключение автор пообещал провести аналогичный эксперимент на материале слов с корнем БОЙ- (26). По мнению Б. Ю. Норманна, одного из авторов сборника, экспериментальным полигоном для лингвистической прогностики может быть лексическая сочетаемость, поскольку «сочетаемость лексем чрезвычайно интересна как способ реализации креативного потенциала языка» (88).

Перспективы лингвистической прогностики авторы сборника видят в использовании типологического метода, инструмента серьезного и одновременно предельно ограничивающего круг исследователей и возможностей каждого из них, поскольку в классическом варианте типология – это работа с большим количеством разнотипных, принадлежащих разным семьям и ареалам языков. По сути, это удел лингвистически одаренных одиночек. Выходом из этого затруднения можно считать использование внутригенетической типологии, при которой выборка объединяет близкородственные языки, что дает исследователю ряд преимуществ, например, возможность обнаружить более тонкие и менее заметные на широкой выборке параметры межъязыкового варьирования (28–29). Традиционная грамматическая ти-

пология уступает место активно развивающейся лексической типологии. В этом отношении интерес представляют статьи, в которых вопросы лингвистической прогностики разрабатываются на материале уральских (Е. Б. Кашкин) и славянских (М. В. Клюева и Д. А. Рыжова) языков. В исследовательский оборот лингвистической прогностики вовлекаются материалы японского языка (А. С. Панина) и итальянских диалектов (Ю. А. Филипацци).

Прогностика интересна не только своим финалом – соответствующим прогнозом, но и своими эвристическими возможностями. Таковые демонстрируются в статье И. А. Меркуловой, посвященной ретрогностике ценностей славянства по лексикографическим данным. С помощью Старославянского словаря автор реконструирует древнеславянскую аксиосферу, выявляет общечеловеческий характер важнейшей аксиологемы славянской жизни, проявляющейся в отмеченности различных условий ее нормального протекания. В эпоху старославянского языка в центре внимания славян оказывался не материальный, а идеальный мир. Природа для славян имела ценность относительную, в то время как абсолютную ценность для них представляли Бог и человеческая душа (79).

Прогностический потенциал науки о слове возрастает, если учитывать особую – энергичную – природу языка. «Язык, – пишет А. А. Петрова, – в своем первоначальном состоянии существует как речь, речь же – это звук, облеченный в форму волны, распространяющейся в пространстве и имеющей квантовые свойства, само рождение звуков речи в человеческой гортани можно рассматривать синергетически как рождение некоторого модулированного когерентного звукового колебания, энергетически обусловленного» (104). Однако заметим, что самые остроумные сопряжения лингвистического подхода к речи с подходами генетическими, синергетическими, нейрофизиологическими и т.п. мало что дадут, если не будет решен вопрос, который занимал Р. О. Якобсона всю его жизнь, но оставшийся без ответа, – как значение (смысл) связано со звучанием. «Категориальные понятия нанолингвистики» пока что остаются либо данью околонучной моды, либо задачей весьма отдаленного будущего.

Кажется, что высшим пилотажем прогностических исследований является выход лингвопрогностики за пределы языка, сопряжение прогнозов языкового характера с фактами действительности. Неслучайно, размышления на эту тему мы видим в публикациях отца-основателя интересующего нас направления. Изменения количественного соотношения процессов *смотрения* и *видения* (и слов, их именующих) А. А. Кретов связывает с историческими событиями в судьбе французской, русской, немецкой и

англо-британской наций. Великая французская революция (1789–1799 гг.), Отечественная война 1812 г., франко-прусская война и объединение Германии (1870–1871 гг.), последствия Второй мировой войны – эти события, по мнению исследователя, отчетливым образом корреспондируются с изменениями частотности глаголов змoтpeния и видения, и это позволяет А. А. Крeтoву утверждать, что им обнаружена закономерность, дающая возможность по лингвистическим данным делать экстралингвистические выводы (54).

Попытка выйти за границы языка и применить термин «лингвистическая прогностика» к взаимоотношению языка и действительности предпринята и Б. Ю. Норманном. Рассмотрев четыре случая проявления креативной деятельности языка, автор делает вывод о том, что связь между языком и действительностью значительно сложнее, чем это обычно себе представляют, и что лингвистическая прогностика тем самым приобретает еще один, дополнительный аспект (92).

В заключение обратим внимание на публикацию В. К. Щербина, в которой идеи прогностики языка переносятся на прогностику филологическую. Автор полагает, что выявление «словарных мегатрендов» может стать основой лексикографической прогностики. Хотя статья опирается на солидный список литературы, в котором наличествуют публикации о

лексикографической футурологии, о путях развития лексикографии будущего и т.п., читателя не оставляет ощущение неслучайности того, что до сих пор отсутствуют «методы формирования научных прогнозов о будущем развитии лексикографии» (163), не появился «такой специализированный раздел, как лексикографическая прогностика» (162). Заметим, что лексикографические проекты и продукты различного предназначения между собой не связаны системными отношениями, а без них, по определению, прогностика просто невозможна. Лексикография – это инструментарий, разрабатываемый для решения конкретных исследовательских задач. Так, задача выявления и описания территориальной дифференцированности языка фольклора потребовала от нас создания удобного и надежного лексикографического продукта, как автоматизированный конкорданс, который лингвофольклористы разработали исключительно в процессе анализа огромных массивов текстов.

Высоко оценивая теоретическую и практическую ценность материалов сборника, добавим, что он интересен и полезен не только тем, кто вступил на поприще лингвистического прогнозирования, но и любому филологу, которого может привлечь тот или иной исследовательский прием, факт, наблюдение, вывод или предположение.

Будем ждать выпуск шестой с новыми ретро-, онто- и футуропрогнозами.

Курский государственный университет

*Хроленко А. Т., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка
E-mail: khrolenko@hotmail.ru*

Kursk State University

*Khrolenko A. T., Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department
E-mail: khrolenko@hotmail.ru*